

Н. М. Мухарьямов

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: —

О. Б. Януш

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: —

Г. З. Шакурова

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
ORCID ID: —

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru; yanush_ob@yahoo.com; lady.rahimullina2010@yandex.ru.

О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики

АННОТАЦИЯ. В статье отмечается, что дискурсивные подходы являются новейшей, четвертой стадией в аналитическом освоении языковой политики после осмысления языкового планирования, критического сдвига в социальных науках и усиления внимания к идеологическим структурам. Дискурсивные подходы к языковой политике выступают приемами и процедурами, которые могут играть полезную роль для понимания процессов в сфере политико-языковых отношений различных уровней. С одной стороны, можно говорить о дискурсах как объекте языковой политики, с другой — языковая политика анализируется как дискурсивные феномен, процесс или деятельность. Дискурсивные подходы способствуют фиксации множественности форм участия субъектов в языковой политике, выяснению их специфической роли во взаимодействии со структурами и институтами; позволяют видеть степень актуализации и нормативной закреплённости представлений относительно языка и политики, степень институциональных качеств самого дискурсивного пространства вокруг политико-языковых процессов и отношений, степень институциональной обособленности самой языковой политики. Авторы применяют дискурсивные аспекты к практике российской языковой политики и приходят к выводу о фрагментарной представленности понятия «языковая политика» в различных сегментах дискурсивного пространства: академическом и публично-информационном. С помощью самостоятельных запросов в информационно-аналитической системе «Медиаология» предпринят количественный контент-анализ упоминаемости «языковой политики» в медийном пространстве федерального и регионального уровней. Дискурсивные подходы к языковой политике содержат потенциал расширения научных знаний и возможности конструирования властно-управленческих предпосылок языкового регулирования, участия общественных сил и интеллектуальных кругов в обсуждении и принятии решений в данной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивное пространство; языковая политика; политический дискурс; политико-языковые отношения; официально-документальный дискурс; академический дискурс; фреймы; языковые идеологии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мухарьямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: yanush_ob@yahoo.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шакурова Гульназ Зиннатулловна, аспирант и старший преподаватель кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, Д-714а; e-mail: lady.rahimullina2010@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухарьямов, Н. М. О дискурсивных подходах к исследованию языковой политики / Н. М. Мухарьямов, О. Б. Януш, Г. З. Шакурова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 84-94. — DOI 10.26170/pl19-06-10.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях».

В тематических структурах исследовательского поля, образующегося вокруг языковой политики, все более заметным становится усиливающееся внимание к дискурсивным измерениям. В англоязычной научной литературе встречаются оценки, согласно которым дискурсивные подходы здесь знаменуют наступление новейшей — четвертой стадии в аналитическом освоении

этой области. Начальные фазисы освоения этой предметной области были отмечены аналитическими приоритетами — задачами осмысления «языкового планирования» по преимуществу в постколониальных контекстах. Политико-идеологические и социально-политические аспекты при этом особой самостоятельной значимости не приобретали (1960-й — начало 1980-х гг.). Последую-

© Мухарьямов Н. М., Януш О. Б., Шакурова Г. З., 2019

щая — условно говоря, вторая — стадия в западной литературе по теме языковой политики (1990-е гг.) отмечена влиянием так называемого критического сдвига в социальных науках. В проблематику языковых отношений стали вовлекаться контексты, в которых существенная роль отводится вопросам власти и доминирования, неравенства, социальных иерархий на основе группового использования языка. Третий этап в историко-научном анализе данной субдисциплинарной области (2000-е гг.) характеризуется усилением внимания к идеологическим и дискурсивным структурам (на макро- и микроуровнях) во взаимодействии с процессом языкового планирования и языковой политики. Одной из наиболее заметных особенностей исследовательских разработок становится акцент на те аспекты предмета, которые связаны с субъектным измерением (с разнообразием агентов, или акторов) языковой политики. Четвертая «волна», согласно рассматриваемой стадильности, отличается углубленным анализом дискурсивных сторон — сдвигами в самих дефинициях «языковой политики» и в теоретических рамках исследований, разработкой дискурс-аналитических методологий [Barakos 2016].

Дискурсивные подходы к языковой политике, шире — к управлению культурно-языковым разнообразием, что следует признать ради объективности, не занимают главенствующего положения ни в зарубежной, ни тем более в отечественной научной литературе по данным предметам. Вместе с тем эти аналитические ракурсы в качестве дополнительных приемов и процедур могут играть полезную вспомогательную роль для понимания реальных процессов, происходящих в сфере политико-языковых отношений в различных трансграничных, национальных, региональных и местных условиях.

В рассматриваемом тематическом комплексе хорошо заметны разноплановые логические и содержательные векторы, когда с одной стороны языковая политика, с другой — дискурсивные структуры и процессы попеременно меняются позициями в объектно-субъектных взаимоотношениях.

Под одним углом зрения дискурсы выглядят как одна из конкретных функций властно-управленческого воздействия на языковое употребление, как целевая установка на конструирование (поддержание, закрепление) того или иного продукта такого воздействия. Эту линию анализа можно условно назвать «Дискурсы как объект языковой политики», или область ее применения. Под другим — собственно языковая политика анализируется как дискурсивный феномен,

как дискурсивный процесс или деятельность, связанная с производством политикообразующих смыслов и их претворением в виде целенаправленного, рационально обоснованного курса. В данном случае предмет исследования можно — также условно — определить следующим образом: «Дискурс как атрибут языковой политики», или как одну из ее сущностных характеристик.

Примером, показывающим перспективу первого из названных ракурсов, служит категория «планирование дискурса», которая не так уж часто, но используется в контекстах языковой политики. Если традиционно устоявшаяся в зарубежной литературе категория «планирование статуса» языка относится, как пишет Ф. Хальт, к функциональному положению конкретного языка по отношению к другим языкам в определенной социальной среде, планирование дискурса относится к дискурсивному конструированию особого режима, например, при помощи способов репрезентации языка и многоязычия в публичном дискурсе или при обозначении языковых проблем [Hult 2010]. В определенном плане это видение совпадает с анализом *интерлингвальных* (взаимодействие разных языков в пределах одного и того же социума) и *интралингвальных* (внутренняя дифференциация «этнического языка, обслуживающего данный социум») координат при рассмотрении языковых ситуаций с точки зрения социолингвистики [Нещименко 2010].

В схожем ключе, например, выполнено исследование Д. Ю. Гулинова, посвященное дискурсивным аспектам языковой политики на примере Франции. Наряду с вертикальной осью применительно к теоретической модели языкового регулирования (взаимодействие государственных и общественных институтов) здесь предложена к рассмотрению также горизонтальная ось — «различные типы дискурсов в их жанровой конкретизации, в которых специфически проявляется языковая политика». Во Франции, как пишет автор, этот курс включает меры в области продвижения французской лексики в спортивном и компьютерном типах дискурса, требований к использованию заимствований в рекламных и медийных дискурсах, в актуализации вопросов языкового регулирования (политический дискурс и др.). Если с формальной точки зрения дискурс — это образование выше уровня предложения, то ситуативная интерпретация, как показано, строится на рассмотрении социально-культурных и психологических факторов общения. «Учет ситуативного аспекта дискурса чрезвычайно важен при планировании языковой политики государства, т. к. он спосо-

бен пролить свет на причины и обстоятельства изменений, происходящих в языке, что, в свою очередь, может повлечь корректировку курса языковой политики» [Гулинов 2015].

Таким образом, первая из названных аналитических стратегий заключается в уяснении политико-регулятивного оперирования конкретными разновидностями дискурсов, понимаемых как модифицируемые так или иначе объекты.

Вторая исследовательская перспектива ориентирована на выявление дискурсивных свойств и политических функций воздействия на языковую жизнь общества. Иными словами, языковую политику можно понимать как дискурсивный процесс [Johnson 2004]. Перечень таких функций обширен и включает многоплановые действия — от идентификации проблем политико-языкового плана, формулирования и экспертизы требуемых решений, определения политического курса до осуществления политики в области языковых процессов и отношений, оценки и корректировки деятельности уполномоченных официальных инстанций. На всех стадиях проектирования и имплементации в этой — языковой, коммуникативной — отрасли публичной политики присутствуют моменты артикуляции интересов самых разноплановых групп и институтов (субъектов, акторов, всех действующих лиц), моменты дискуссионности, многоканальной циркуляции значимых политических смыслов. Профессиональный научный анализ любых предметов так или иначе — специально или в подразумеваемом духе — вовлекает проблематику и приемы дискурсивного анализа.

В интересах последующего изложения уместно было бы остановиться на некоторых эвристических возможностях дискурсивных подходов к языковой политике как таковой. Дополнительный познавательный потенциал, оказывающийся в распоряжении исследователя, раскрывается в научной литературе по нескольким принципиальным позициям.

Первое. Обращаясь к темам языковой политики и не втягиваясь в разбор многочисленных дефиниций, в настоящем изложении уместно отталкиваться от общего (и релевантного для интересов социально-политического анализа) понимания дискурса. Это «целостный комплекс человеческой деятельности, взятый в ее смысловой значимости, а также семиотическая система, позволяющая создавать и понимать подобные комплексы. ...такой эпизод действительности, который обладает временной протяженностью и представляет собой сис-

тему, на основе логической организации смыслов и использования социальных норм (знаков и кодов) и предполагающую содержательную интерпретацию» [Ильин 2007]. Сама природа дискурсивного и, следовательно, используемые при анализе методологические принципы связаны с выяснением ситуативной обстановки (внешнего по отношению к тексту окружения) коммуникативного события. Дискурс как таковой по существу аксиоматически — независимо от особенностей теоретических или концептуальных трактовок — понимается через речевое действие, взятое в единстве с коммуникативными контекстами, через формулу «текст в контексте». Отсюда — происходящая в политико-языковой подсистеме отношений динамика, вызывающая контекстуализацию, деконтекстуализацию, реконтекстуализацию. Акты, нормативные установления, декларируемые принципы могут восприниматься и интерпретироваться по-новому, в зависимости от меняющихся обстоятельств как временного, так и пространственного плана.

Второе. Дискурс как действие, как использование языка предполагает момент активного и целенаправленного участия разнородных акторов, вовлеченных (применительно к нашему предмету) в политико-языковые отношения. Следовательно, системообразующая роль принадлежит прагматическим функциям и самого дискурса, и прагматическим приемам анализа коммуникативных актов, событий и процессов. Как отмечается в англоязычной научной литературе по языковой политике, исследовательские перспективы в этой области во многом связаны с релевантным разрешением принципиальной философско-социологической дихотомии. Это — спор между, с одной стороны, объективизмом (или научным реализмом), ставящим акцент на социальных структурах и институтах, и, с другой стороны, субъективизмом (или социальным конструктивизмом). Последний отдает приоритет агентивности (agency) — действиям социальных акторов, или агентов в широком смысле, а не только в привычном «ведомственном» толковании. Поляризация по линии «структуры — агенты» в исследованиях языковой политики, согласно этой науковедческой рефлексии, приходит во взаимное наложение с дихотомией «макро — микро» анализа. Этот «парадокс агентивности», как предполагается, может быть разрешен через признание их обоюдно направленного конструирующего влияния, что — в том числе — устанавливается и исследуется в дисциплинах, занятых дискурсивно-языковыми вопросами [Perez-Milans 2018]. Дискурсив-

ные подходы в рассматриваемой области, таким образом, способствуют не только фиксации множественности форм участия субъектов в языковой политике, но и выяснению их специфической роли во взаимодействии со структурами и институтами.

Третье. Одна из кардинальных инициатив, выдвинутых в данной (суб)дисциплинарной отрасли знания, состоит в сочетании этнографических подходов, с одной стороны, и дискурсивных подходов — с другой. Первое подразумевает изучение культурных (языковых — в том числе) феноменов изнутри, или, как иногда разъясняют, «глазами инсайдеров». Вторые ориентированы на понимание языковой политики как «дискурсивной по своей сути» практики [Johnson 2013]. Это позволяет выделить важное предназначение научных разработок в рассматриваемом здесь плане — сделать «*имплицитное эксплицитным*». Говоря по-другому, в плоскость развернутого и аргументированного изложения предлагается перевести то, что прежде располагалось на поверхности и предлагалось принимать на веру, а именно — «имплицитные взаимоотношения между дискурсом, властью и идеологией» [Wodak 2018].

Четвертое. Дискурсивно-аналитические приемы в данной области позволяют оценивать какие-то смысловые конструкты как обладающие статусом *фреймов*, или «организующих принципов» для выявления значений, определения проблем, интерпретации, оценочных суждений. Концептуальные фреймы, согласно трактовке Дж. Лаккофа, образуют «семантические поля». Это становится базисом для обобщающего понимания групп родственных понятий как целого, которое включает определенные части [Lakoff 2008]. Нестрогую, но весьма пригодную для использования неспециалистами дефиницию фреймов приводит В. З. Демьянков — скелет для описания произвольного единичного случая: «Начиная интерпретировать текст, мы активизируем определенную контурную схему, в которой многие позиции („слоты“) еще не заняты» [Демьянков 1996].

Далее, в области языковой политики, как показывают исследователи, фреймы и их составные элементы — темы — выполняют роль, связанную с репрезентацией (социально разделяемые формы знания о языках, этничности, национальностях), а также с легитимацией и делегитимацией соответствующих решений и действий и артикулируются в виде составных элементов политического процесса [Gao 2018].

Пятое. Рассматриваемые аналитические подходы позволяют выявлять имеющиеся

способы взаимодействия между разными дискурсивными образованиями, относящимися к области языковой политики. Это интердискурсивные связи, которые охватывают спектр качественно самостоятельных смысловых комплексов деятельности разнообразных субъектов. «Дискурсы варьируются сквозь контексты языкового планирования и языковой политики», — пишет по этому поводу один из инициаторов использования данных подходов Д. Джосон [Johnson 2004]. При этом интердискурсивные связи устанавливаются между смысловыми конструкциями прошлого и настоящего; между макро-, мезо- и микродискурсивными образованиями; между общенациональными («социетальными», по терминологии автора) и локальными уровнями; между доминирующими и маргинальными идеологическими комплексами, их формальными и неформальными вариантами и проч. К этому можно добавить еще один горизонт — соотношение между «секторальными» дискурсами: законодательным, исполнительно-распорядительным, академическим и экспертным, массмедийным, образовательным, «символьно-элитным» (творческая интеллигенция), активистским (представляющим участников из гражданского, «третьего» сектора), сетевым и множеством других форм политико-коммуникативной активности. На этой основе можно оценивать различные состояния — интегрированные и фрагментарные — всей публично-информационной среды языковой политики.

Наконец, все названные моменты, взятые в совокупности, дают основания для того, чтобы устанавливать степень актуализации и нормативной закреплённости представлений относительно языка и политики, степень институциональных качеств самого дискурсивного пространства вокруг политико-языковых процессов и отношений, степень институциональной обособленности самой языковой политики.

Применив означенные выше дискурсивные аспекты к практике российской языковой политики, а также к присутствию этой темы в академическом и публично-информационном пространстве, можно сделать ряд наблюдений.

Прежде всего само понятие «языковая политика» представлено в различных сегментах дискурсивного пространства в несколько фрагментарном виде. Общественное внимание к соответствующей проблематике в последние годы заметным образом усиливается. Свет увидели весьма и весьма капитальные труды, коллективные монографии и справочно-энциклопедические издания, в первую очередь профессиональных

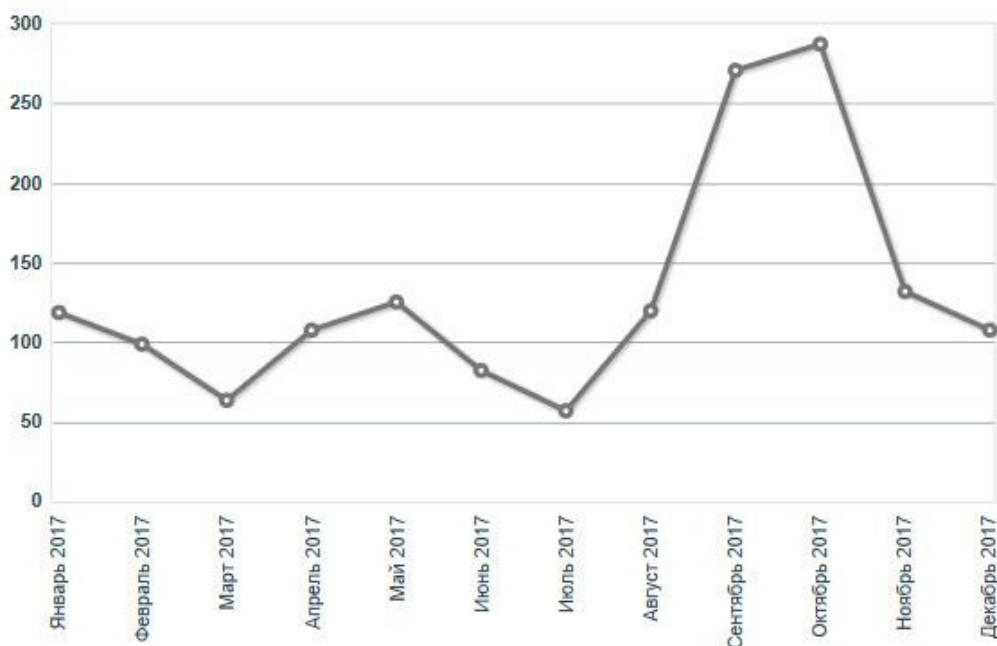
исследователей в области социолингвистики, которая переживает период подъема в российской науке. Проводятся крупные общероссийские конференции и форумы под эгидой структур РАН, Федерального агентства по делам национальностей. К изучению языковой политики все больше и больше приобщаются и социологи, и этнологи, и — отчасти — специалисты в области политической науки. Иными словами, здесь усиливаются свойства интердисциплинарности.

При этом можно только досадовать на предмет того, что — в отличие от зарубежных коллег — в нашей стране нет ни одного научного журнала, который бы специализировался в рассматриваемой области исследований.

Еще одно препятствующее развитию научной области обстоятельство состоит в том, что статистические данные о функционировании языков народов России в различных сферах (в первую очередь — в образовательной) находятся либо не в открытом доступе, либо в виде разрозненных сведений, которые трудно свести в единую эмпирическую картину, доступную для анализа.

Примером здесь может служить разницей в приводимых данных, касающихся использования языков в отечественном образовании. В документах высокого доктринального уровня — в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации — в редакции от 2012 г. зафиксировано, что в государственной системе образования страны используются 89 языков (из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения); в редакции документа от 2018 г. говорится, что в этой системе используется 105 языков (24 — в качестве языка обучения, 81 — в качестве учебного предмета). Различия в этих данных (помимо расплывчатого общего термина «используются») за неполное десятилетие требуют, как минимум, экспертных и иных комментариев.

Языковая политика расширяет свое место в информационной повестке средств массовой информации, в отечественной публицистике. Так, заметный резонанс вызвали известные поправки в российском образовательном законодательстве, меняющие нормативный режим обучения государственным языкам и родным языкам народов страны (включая русский язык). Сказанное подтверждается статистическими свидетельствами (см. график на рис. 1).

© Медиалогия

Рис. 1. Динамика упоминаний словосочетания «языковая политика»* (01.01.2017 — 31.12.2017 г.)

* Запрос в информационно-аналитической системе «Медиалогия». Дата запроса: 10 октября 2019 г.

Таблица 1. «Языковая политика» в медийном пространстве* (01.01.2017 — 31.12.2017 г.)

№	Уровни/категории	Газеты	Журналы	Информагентства	Интернет	ТВ	Радио	Блоги	Всего
1	Зарубежный	43	1	39	606	3	0	0	692
2	Региональный	78	1	53	302	10	0	0	444
3	Федеральный	7	3	45	189	187	3	0	434
4	Всего	128	5	137	1097	200	3	0	1570

* Таблица сформирована на основе запросов в информационно-аналитической системе «Медиаалогия». Дата запроса: 10 октября 2019 года.

© Медиаалогия

Рис. 2. «Языковая политика» в региональном информационном пространстве* (01.01.2017 — 31.12.2017 г.)

* Дата запроса: 10 октября 2019 г. Территории, окрашенные в более темные оттенки, соответствуют наибольшему количеству сообщений.

Наибольшее количество сообщений в 2017 г. приходится на сентябрь — 271 и октябрь — 287 сообщений. Наиболее заметным, согласно «МедиаИндексу», стало сообщение, посвященное форуму-диалогу «Языковая политика: общероссийская экспертиза», который был организован Федеральным агентством по делам национальностей осенью 2017 года. В это время в медиа выходят публикации под следующими названиями: «Около 50 языков народов России находятся под угрозой исчезновения» (ИА «Коминформ», Сыктывкар, 03 октября 2017 г.); «Все языки народов России нуждаются в заботливом отношении» («Русский мир», Москва, 3 октября 2017 г.); «Подсчитано количество языков народов России под угрозой исчезновения» («Взгляд.Ру», Москва, 3 октября 2017 г.); глава ФАДН предложил вести уроки в начальной школе на двух языках — русском и национальном» (ТАСС, Москва, 3 октября 2017 г.); «Баринов: „Мы,

наверное, единственная страна, которая не потеряла ни одного национального языка“» («Tatpressa.ru», Казань, 4 октября 2017 г.); «Языки народов России помогут сохранить профессионалы» («Вечерняя Москва», 4 октября 2017 г.).

Представлены сопоставимые объемы сообщений с упоминанием «языковой политики» в региональном и федеральном медиапространстве: 444 и 434 соответственно. На региональном уровне основная доля сообщений приходится на Интернет — 302, газеты — 78 и информагентства — 53 сообщения; на федеральном уровне — 189 сообщений в Интернете, 187 — телевидение, 45 — информагентства.

Наибольшее количество сообщений по запросу «языковая политика» в региональном разрезе приходится на Республику Татарстан (74 сообщения), Ивановскую область (27), Тульскую область (19), Республику Дагестан (18), Республику Башкортостан

(16), Республику Карелия (14) и т. д. В ноябре — декабре 2017 г. медиа Татарстана выходят со следующими заголовками: «Эксперты сошлись во мнении об обязательном преподавании татарского языка в качестве государственного» («Наш Черемшан», с. Черемшан, 7 ноября 2017 г.); «Татарский язык должен стать дополнительным бонусом, от которого люди могли бы получить дивиденды» («События недели», Казань, 15 декабря 2017 г.); «Татарская школа выживет только в том случае, если даст качественное образование» («Kazanfirst.ru», Казань, 26 ноября 2017 г.); «Академия наук РТ: „Оптимальной видится компромиссная модель изучения языков“» («События» (sntat.ru), Казань, 6 ноября 2017 г.) и мн. др.

Между тем в нормативно-правовом (законодательном) и в целом в официально-документальных дискурсах понятие «языковая политика» в системном смысловом отношении практически не аранжировано и, можно сказать, не терминологизировано. В этом состоит фундаментальное отличие данного понятия от содержательно смежных аналогов — «национальная политика», «образовательная политика», «культурная политика», «информационная политика» и т. д.

В этом контексте небесполезно напомнить, что в одном из документов позднесоветского периода рассматриваемое понятие было концептуализировано в рамках нормативно-правового дискурса. В преамбуле Закона СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.) было записано, что этот правовой акт «устанавливает общие принципы языковой политики СССР, гарантии свободного развития и использования языков народов СССР, правовой режим языка официальных взаимоотношений в рамках Советской Федерации, права граждан в использовании языков народов СССР» [Ведомости 1990]. Парадоксальным образом эта формулировка, заложенная в документе, принятом в запаздывавшем режиме в ситуации «мобилизованного лингвизма» (по терминологии М. Губогло) [Губогло 1998], по своему обозначала перспективное направление языкового регулирования. Вероятно, эффективность правовых механизмов в сфере управления языковым разнообразием в новейших российских контекстах только усилилась бы при условии официального дискурсивного закрепления этих «общих принципов языковой политики».

В Федеральном законе РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (редакции Федеральных законов от 24.07.1998 и от 11.12.2002) языковая политика характеризуется

специфической концептуализацией. В статье 4, пункте 2 Закона говорится: «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ)». Нормы Закона применительно к экономической и юридической защите языков рассматриваемое понятие не используют.

Характерно, что незадолго до принятия рассматриваемого Закона в редакции 1998 г. официально — на правительственном уровне — была зафиксирована дискурсивная конструкция более широкого смыслового объема. Это положение, содержащееся в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении федеральной целевой программы „Русский язык“» (от 23 июля 1996 г. № 881): «Стержнем языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации и поощряется изучение национальных языков населением ее республик. Должны быть созданы условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации». В дальнейшем эта формула в официально-документальных или в доктринальных смысловых планах воспроизводилась спордически и периферийно.

Объявленный в 2019 г. Международный год языков коренных народов в России, судя по официальному сайту, преследует в качестве одной из целей «популяризацию языков народов России как инструментов формирования общероссийской гражданской идентичности, а также поиск путей и механизмов решения проблем в области языковой политики, прогноз развития ситуации» [2019 — Международный год языков коренных народов URL]. Вопрос в том, чтобы церемониальные мероприятия, способные привлечь общественное внимание к языковому разнообразию, были бы сопровождаемы в дальнейшем консолидацией ресурсов как в управленческом и инфраструктурном, так и в интеллектуальном планах.

Сквозь оптику дискурсивных способов организации можно видеть: категория «языковая политика» в нормативно-правовом тезаурусе государственной политики по регулированию языковой жизни российского общества представлена в том виде, который

не предполагает соответствующего статуса фрейма. Этот статус скорее принадлежит таким конструктам, как «защита», «сохранение», «развитие» и «изучение» языков народов России. Языковая политика как важная часть публичной политики в нашей стране, как часть властно-управленческого курса институтов власти (как на федеральном, так и на региональном уровнях) находится в неопределенном состоянии с точки зрения соотношения названных выше начал — имплицитного и эксплицитного. Подразумеваемые смыслы здесь при всей их общественной значимости в развернутом виде как таковые, как курс, включающий концептуальное целеполагание, или как политика в сущностном ее понимании, не сформулированы.

Потому понятны скептические ноты, звучащие в выступлениях авторитетных отечественных специалистов по рассматриваемому здесь поводу. «В современной России внедрение законов рынка объективно способствует распространению русского языка и вытеснению малых языков, — пишет Владимир Алпатов, акцентируя стихийную сторону дела, — чему можно противодействовать лишь сознательной и целенаправленной государственной политикой, которой пока что почти нет» [Алпатов 2018]. В аналогичном оценочном ключе высказывается директор Института языкознания РАН Андрей Кибрик: «...у меня, честно говоря, нет четкого представления о том, какая сейчас в России языковая политика. Мне кажется, она не носит системного характера. Есть отдельные порывы, которые часто противоречат друг другу. ...Языковую политику только предстоит сформировать, осознать» [Коммерсант 2019].

Нет необходимости отдельно обосновывать положение, согласно которому дискурсивное оформление смыслообразующих начал, принципов, установок и стратегических ориентиров — это критически важная предпосылка конструирования и практического осуществления языковой политики.

Приведенные суждения дают основания, чтобы заключить: действия и меры, принимаемые властными инстанциями в сфере регулирования языковых отношений в российском обществе и в сфере управления культурно-языковым разнообразием в целом, пока не консолидированы в том виде, когда можно было бы говорить о систематически оформленном и дискурсивно обеспеченном направлении публичной российской политики. Иными словами, призывы «не политизировать» языковой вопрос следовало бы заменить установками на конструктивную политизацию языкового регулирования. Это связано с артикуляцией, выявлением и со-

гласованием интересов различных групп (причем не только в этнокультурном понимании); с формулированием внятных сценарных альтернатив; со стратегическим целеполаганием и нормотворчеством, адаптированным к реальным языковым и социально-коммуникативным ситуациям; с конструированием политического курса с участием всего спектра субъектов политико-языковых отношений; в целом — с созданием институциональных предпосылок и оснований.

В рассматриваемых контекстах со стороны официальных лиц и профессиональных исследователей выдвинуты многочисленные предложения относительно преодоления как институциональной, так и дискурсивной недостаточности.

Так, во время парламентских слушаний на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы» (г. Москва, 7 октября 2010 г.) были сформулированы серьезные рекомендации. Во исполнение российского законодательства о языках, в частности, было предложено «изучить вопрос о разработке федеральной целевой программы, включающей мероприятия, направленные на сохранение, изучение и развитие языков народов Российской Федерации», проработать вопрос о создании межведомственной рабочей группы «по языковой образовательной политике для разработки Концепции языкового образования», «разработать в соответствии с требованиями нового федерального государственного образовательного стандарта примерные учебные программы по государственным языкам, методические рекомендации по подготовке рабочих программ по родным, включая русский, языкам»; «рассмотреть вопрос разработки и создания информационного портала по языкам народов России».

Со стороны неправительственных структур, заявляющих о намерениях играть роль влиятельного актора в политико-языковом регулировании, также высказывались идеи о назревших мерах по отношению к дискурсивным основаниям такого регулирования. Первый съезд Общества русской словесности (г. Москва, 25—26 мая 2016 г.) постановил «провести экспертизу состояния нормативно-правового обеспечения языковой политики и начать разработку концепции государственной языковой политики в условиях глобализации».

Представителями академического сообщества, в свою очередь, выдвигались предложения, рассчитанные на преодоление дискурсивного несовершенства российского законодательства о языках. Чтобы избавиться от слабых сторон нормативно-правового оснащения языковой политики (от декларативно-

сти, одновременной расплывчатости и усложненности формулировок, (интердискурсивной) стереотипности, оторванности от социолингвистических реалий и нужд практической реализации и проч. и проч.), указывалось на потребность во внесении поправок в отечественное законодательство о языках, а также в разработке федерального закона об основах государственной языковой политики Российской Федерации [Язык 2016].

Помимо подходов, оперирующих официально-дискурсивными сторонами языковой политики в российских условиях, существенную роль в данном предметном поле играют идеологические измерения на самых разных уровнях.

В эпистемологических перспективах можно различать и горизонты философии языка, и аксиологию языкового многообразия, спиритуалистические способы понимания родных и так называемых «национальных» языков. Здесь же можно видеть парадигмальные конфликты, затрагивающие споры (часто в редуцированном виде) между примордиализмом, конструктивизмом и инструментализмом. При этом важно различать многие грани идеологических структур, формируемых вокруг и по поводу языка и политики, их дискурсивную специфичность. Понятно, что пропагандистский схематизм и клишированные оценки, мировоззренческие коннотации, исследовательская рефлексия, интеллектуальное проектирование — мыслительные образования далеко не одного и того же порядка. Следовательно, необходимо различать, с одной стороны, идеологизированные стереотипы и догмы, с другой — смыслообразующие (дискурсивные) начала «языковых идеологий», связанных с производством ценностей. Если первое присутствует в нашем информационном пространстве более чем в избытке, второе связано, скорее, с дискурсивными пробелами и лакунами.

В российской информационной среде по поводу языка и политики бурлят дискуссии, усугубляемые сетевой «вольницей», разгораются вербальные конфликты между популярными позициями. Ситуация перегружена множеством субъективных, идейно-психологических факторов и стилистических нюансов, риторикой непримиримости. В ситуации противоборства оказываются не столько идеализированные модели желаемого языкового обустройства страны и ее регионов, сколько *не-* или *(до)*дискурсивные комплексы представлений, не поднимающиеся на уровень рациональных способов восприятия. Вряд ли кто-то среди исследователей возьмется установить меру искренности и бескорыстия, присущую всем этим видам семио-

тической деятельности, в соотношении с инструментальными ображениями, с символической капитализацией или с монетарными мотивациями. В целом традиционное понимание мировоззренческого ландшафта, или идеологического спектра, в данной ситуации не всегда будет срабатывать. В условиях калейдоскопичности проводить какую-то внятную типологию политических дискурсов по поводу языков и языковых отношений в российском обществе чрезвычайно затруднительно.

Условно можно выделить общенациональный, макро- и мезорегиональный (этнорегиональный), локальный пласты политико-языковых дискурсов, а также соответствующие пласты персонифицированные (эксперты, ученые, комментаторы, публичные интеллектуалы, лидеры и функционеры тех или иных движений и групп, сетевые активисты, блогеры и т. п.).

В содержательном — или собственно в идеологическом — плане можно выделять дискурсивные формирования — от либерального, толерантного, инклюзивного, космополитического либо нарочито индифферентного — и до пестрого множества ангажированных вариантов (государственнического и охранительного, националистического, почвеннического, этнопопулистского, различных оттенков традиционализма). Много зависит от субъективных установок при наблюдении и своеобразном «картографировании». Кто-то в алармистском ключе будет делать акцент на угрозах дезинтеграции, языкового сепаратизма и, как это часто встречается, на использовании языкового вопроса в интересах региональных этнократий. Кто-то, напротив, вызовы языковому многообразию, самобытности и культурно-языковой идентичности увязывает с имперской централизацией, с унитаризмом и т. п.

Языковые идеологии, понимаемые в собственно дискурсивном плане, варьируются вокруг определенной базовой дихотомии. Речь идет о противостоянии «рыночной» и «зеленой» парадигм языковой политики. Это — конфликт между образами прагматической полезности и зримых коммуникативных преимуществ языкового использования на одном полюсе и ценностно-символическими (идеалистическими, романтическими) представлениями на другом полюсе. «В то время как неолиберализм принимает инструментальную ориентацию по отношению к мультилингвизму, трактуя языки узко функционально как инструмент для организации производства и получения дохода, — разъясняет ситуацию Суреш Канагараджа, — критически настроенные ученые рассматри-

вают языки в контексте разнообразия коммуникативной экологии» [Канагарадже 2016]. Иными словами, в дискурсивное столкновение приходят две идеологические конструкции, которые условным образом можно соотнести с различием политико-реалистических и политико-идеалистических структур понимания отношений по поводу языкового устройства.

Проведение рационально обоснованной языковой политики в российской ситуации, следовательно, связано с поиском максимально возможного равновесия между выстраиванием эффективной коммуникации, укреплением языкового фундамента общенациональной идентичности и, с другой стороны, отношением к языковому многообразию как высоко ценимому культурно-историческому благу и ресурсу, требующему бережного отношения в духе солидарности и эмпатийности.

Таким образом, дискурсивные подходы к исследованиям и к практике языковой политики в России содержат в себе немалый потенциал, сулящий не только расширение научных знаний, но и возможности конструирования властно-управленческих предпосылок языкового регулирования, участия общественных сил и интеллектуальных кругов в обсуждении и принятии решений. В многоплановом смысловом оснащении и в идеологической артикуляции существующих проблем состоит реальная перспектива придания языковой политике в России свойств системности, рационального целеполагания и эффективного претворения в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. — М.: Альпина-фикшн, 2018.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — М., 1990. No 19.

N. M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

O. B. Yanush

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

G. Z. Shakurova

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
ORCID ID: —

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru; yanush_ob@yahoo.com; lady.rahimullina2010@yandex.ru.

About Discursive Approaches to the Study of Language Policy

ABSTRACT. *The article notes that discursive approaches make up the newest, fourth stage in the analytical comprehension of language policy after scrutinizing language planning, critical shift in the social sciences and increasing attention to ideological structures. Discursive approaches to language policy are methods and procedures that can play a useful role in understanding processes in the sphere of political-linguistic relations on various levels. On the one hand, one can talk about discourses as an object of language policy, on the other hand, language policy is analyzed as a discursive phenomenon, process or activity. Discursive approaches contribute to the fixing of the multiplicity of forms of participation of subjects*

3. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.

4. Гулинов Д. Ю. Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2015.

5. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 189—191.

6. Ильин М. В. Политический дискурс // Политология: лексикон / под ред. А. И. Соловьева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 537, 539.

7. Канагарадже С. Мультилингвальная педагогика нелиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. No 2. С. 16.

8. «Люди не могут быть экспонатами этнографического „музея“» // Коммерсант. 2019. 21 марта.

9. Нецименко Г. П. Социоллингвистика как междисциплинарная наука // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М., 2010. С. 54.

10. Язык и общество: энцикл. — М.: Азбуковник, 2016. С. 845—846.

11. 2019 — Международный год языков коренных народов. URL: <https://iyil2019.ru>. — Текст: электронный.

12. Discursive Approaches to Language Policy / E. Barakos, J. W. Unger (eds.) — L.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 11—18.

13. Gao X, Shao Q. Language Policy and Mass Media // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 301—302.

14. Hult F. C. Swedish television as a mechanism for language planning and policy // Language Problems & Language Planning. 2010. Vol. 34. No 2. P. 158.

15. Johnson D. C. Language Policy Discourse and Bilingual Language Planning // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL). 2004. Vol. 19. No 2. P. 73—97. URL: <http://repository.upenn.edu/wpel/vol19/iss2/4> (date of access: 30.08.2019).

16. Johnson D. C. Language Policy. — Hampshire: Palgrave Macmillan, 2013.

17. Lakoff G. Political Mind. A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. — London: Penguin Books, 2008. P. 22—23.

18. Perez-Milans M., Tollefson J. W. Language Policy and Planning: Directions for Future Research // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 730—731.

19. Wodak R., Savski K. Critical Discours-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Language Planning / ed. by J. W. Tollefson and M. Perez-Milans. — New York: Oxford Univ. Pr., 2018. P. 94.

in language policy, clarifying their specific role in the interaction with structures and institutions; they allow us to see the degree of actualization and normative consolidation of assumptions regarding language and politics, the degree of institutional qualities of the discursive space around political and linguistic processes and relations, and the degree of institutional properties of the language policy itself. The authors apply discursive aspects to the practice of the Russian language policy and come to the conclusion that the concept of “language policy” is fragmented in various segments – academic and public – of the discursive space. Using independent queries in the information-analytical system “Medialogy”, a quantitative content analysis of the mention of “language policy” in the media space of the federal and regional levels has been undertaken. Discursive approaches to language policy contain the potential for expanding scientific knowledge and the possibility of constructing power and managerial prerequisites for language regulation, participation of social forces and intellectual circles in discussion and decision-making.

KEYWORDS: *discursive space; language policy; political discourse; linguo-political relations; official documentary discourse; academic discourse; frames; language ideologies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Mukharyamov Nail' Midkhatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yanush Ol'ga Borisovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shakurova Gul'naz Zinnatullova, Post-graduate Student and Senior Lecturer of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.*

FOR CITATION: *Mukharyamov, N. M. About Discursive Approaches to the Study of Language Policy / N. M. Mukharyamov, O. B. Yanush, G. Z. Shakurova // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 84-94. — DOI 10.26170/pl19-06-10.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Social Research Expert Institute (EISI) Project № 19-011-31465 “Regional Language Policy: A Discursive Approach”.*

REFERENCES

1. Alpatov V. Linguistics: From Aristotle to Computer Linguistics. — Moscow : Al'pina-fikshn, 2018. P. 175. [Jazykoznanie: Ot Aristotelja do komp'yuternoj lingvistiki. — M. : Al'pina-fikshn, 2018. S. 175]. — (In Rus.)
2. Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Council of the USSR. — Moscow : 1990. No 19. P. 327. [Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. — M. : 1990. No 19. S. 327]. — (In Rus.)
3. Guboglo M. N. Languages of ethnic mobilization. — Moscow : School “Languages of Russian Culture”, 1998. 816 p. [Jazyki jetnicheskoj mobilizacii. — M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. 816 s.]. — (In Rus.)
4. Gul'nov D. Ju. Discursive characteristics of the language policy of modern France : Abstract of the dissertation of the doctor of philosophical sciences. — Volgograd, 2015. P. 6, 16. [Diskursivnye harakteristiki jazykoj politiki sovremennoj Francii: Avtoref. diss....dokt. filos. nauk. — Volgograd, 2015. S. 6, 16]. — (In Rus.)
5. Dem'jankov V. Z. Frame semantics // A Brief Dictionary of Cognitive Terms / ed. E. S. Kubryakova. — Moscow : Faculty of Philology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1996. S. 189—191. [Frejmovaja semantika // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshhej red. E.S. Kubryakovoj. — M. : Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. S. 189—191]. — (In Rus.)
6. Il'in M. V. Political Discourse // Political Science: Lexicon / ed. A. I. Solov'ov. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. P. 537, 539. [Politicheskij diskurs // Politologija: Leksikon / Pod red. A.I. Solov'eva. — M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN). 2007. S. 537, 539]. — (In Rus.)
7. Kanagaradze S. Multilingual pedagogy of neoliberal time: clearing the territory and planning forward movement // Social and Human Sciences in the Far East. 2016. No 2. P. 16. [Mul'tilingval'naja pedagogika neoliberal'nogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizhenija vpered // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2016. No 2. S. 16.]. — (In Rus.)
8. «People cannot be exhibits of an ethnographic “museum”» // Kommersant. March 21, 2019. [«Ljudi ne mogut byt' jekspoznatami jetnograficheskogo “muzeja”» // Kommersant. 21 marta 2019]. — (In Rus.)
9. Neshchimenko G.P. Sociolinguistics as an interdisciplinary science // Solution of national-language issues in the modern world. CIS and Baltic countries / ed. Acad. E. P. Chelysheva. — Moscow : 2010. S. 54. [Sociolingvistika kak interdisciplinarnaja nauka // Reshenie nacional'no-jazykovyh voprosov v sovremenom mire. Strany SNG i Baltii / Pod red. akad. E. P. Chelysheva. — M., 2010. S. 54]. — (In Rus.)
10. Language and society. Encyclopedia. — Moscow : Publishing center “Alphabet”, 2016. S. 845—846. [Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija. — M. : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2016. S. 845—846]. — (In Rus.)
11. 2019 — International Year of Indigenous Languages [2019 — Mezhdunarodnyj god jazykov korennykh narodov]. URL: <https://iyil2019.ru>. — Text : electronic.
12. Discursive Approaches to Language Policy / E. Barakos, J. W. Unger (eds.) — L. : Palgrave Macmillan, 2016. P. 11—18.
13. Gao X, Shao Q. Language Policy and Mass Media // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 301—302.
14. Hult F. C. Swedish television as a mechanism for language planning and policy // Language Problems & Language Planning. 2010. Vol. 34. No 2. P. 158.
15. Johnson D. C. Language Policy Discourse and Bilingual Language Planning // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL). 2004. Vol. 19. No 2. P. 73—97. URL: <http://repository.upenn.edu/wpel/vol19/iss2/4> (date of access: 30.08.2019).
16. Johnson D. C. Language Policy. — Hampshire : Palgrave Macmillan, 2013.
17. Lakoff G. Political Mind. A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. — London : Penguin Books, 2008. P. 22—23.
18. Perez-Milans M., Tollefson J. W. Language Policy and Planning: Directions for Future Research // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. 2018. P. 730—731.
19. Wodak R., Savski K. Critical Discours-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford Handbook of Language Policy and Language Planning / ed. by J. W. Tollefson and M. Perez-Milans. — New York : Oxford Univ. Pr., 2018. P. 94.